

Весной 1834 года Элиас Леннрот, собирая древние карело-финские руны для будущей «Калевалы», достиг в своих нелегких странствиях отдаленного лесного селения Латва-ярви в Северной Карелии. Еще в предыдущую свою поездку в эти края он много слышал об известном на всю округу рунопевце Архипе Перттунене, но встретиться с ним тогда не смог. Встреча состоялась лишь теперь, в апреле 1834 года.

Три дня пел Архип свои руны внимательно записывавшему их гостю. Всего Леннрот записал от него более четырех тысяч стихов. Молва о славе Архипа оказалась не напрасной: это был действительно выдающийся сказитель, каких Леннроту не доводилось еще встречать. Руны Архипа поразили искушенного собирателя своей полнотой и завершенностью, у певца было врожденное чувство художественной гармонии, исполнение его отличалось взволнованной одухотворенностью. Если к этому добавить, что многие основные сюжеты, прославившие затем «Калевалу», Леннрот впервые услышал именно от Архипа, не встретив их у других сказителей, можно понять пережитую им радость состоявшегося художественного открытия.

С волнением писал он в дневнике, что, если бы это посещение Архипа по каким-либо обстоятельствам отложилось на неопределенное время, кто знает, быт может, старый рунопевец навсегда бы унес в могилу хранившиеся в его памяти сокровища. Действительно, Архипа вскоре не стало, он умер семь лет спустя после приезда Леннрота, но слетые им руны сохранились для потомства.

К сожалению, об этом знаменитом рунопевце, одареннейшем представителе целого сказительского рода Перттуненых, одном из тех, кому мировая культура обязана «Калевалой», сохранилось очень мало сведений. Единственным источником являются краткие путевые заметки Леннрота, а также Маттаса Кастерна, финского филолога, посетившего Архипа пятью годами позже. Между прочим, Леннрот в своих записках упомянул, что Архипу было тогда восемьдесят лет.

Исходя из упоминания Леннрота и определялся год рождения Архипа в научной литературе, в энциклопедиях. Но несколько лет тому назад карельскому фольклористу Т. Вайннену путем сверки так называемых «исповедальных книг», где обнаружены многократные записи об Архипе и членах его семьи с указанием возраста, удалось установить более точные даты жизни рунопевца. Он родился не в 1754 году, как предполагалось ранее, а в 1769 году. С рождения Архипа Ивановича Перттунена прошло ровно двести лет.

Роль Архипа в возникновении «Калевалы» трудно переоценить. Записанные от него руны заняли в ней центральное место. Более того, сам Леннрот и последую-

щие исследователи считали, что встреча с Архипом и собранный от него песенный урожай помогли Леннроту окончательно утвердиться в мысли о возможности сводного эпоса. Это был поворотный пункт в создании «Калевалы» именно в том виде, в каком карело-финский эпос стал затем известен цивилизованному миру и стяжал себе славу одного из величайших народных эпосов.

Если взглянуть несколько шире на исторические пути к «Калевале» как к литературному памятнику, они представляются не простыми и начинаются издавна. Можно выделить две главные линии, которые постепенно сходились. С одной стороны, непрерывная работа творческого гения народа на протяжении многих столетий, работа таких же великодушных рунопевцев, каким был Архип Перттунен. С другой — постепенно нарастающий интерес «культурного мира» к творчеству народа, к его могучей поэтической фантазии.

Кажется, что в течение долгих веков эти два полюса — изустная народно-песенная культура и новая, книжная цивилизация — существовали в игорни финнов и карел совершенно раздельно. Языческие руны находили прибежище в лесных селениях, а христианская книжность возникла в городах. Однако даже в отдаленные исторические времена полной взаимной изоляции не было. Из глухих, казалось бы, совершенно оторванных от «большого мира» лесных углов шли невидимые токи, народный гений посылал импульсы, улавливаемые наиболее чуткими людьми иной культурной среды. Не кто иной как Микаэль Агрикола, основатель финской книжности и проводник реформации, еще в середине шестнадцатого века первый упомянул в одной из своих книг имя Вайнямейнена, главного героя карело-финского эпоса, причем упомянул не только в качестве языческого бога, но и «кователя песен» — так обычно именуются в народе и сами рунопевцы.

Что среди карельских и финских крестьян немало подлинных поэтов, что народный язык удивительно музыкален — эта мысль постепенно проникала и в ученый мир и все чаще находила себе новые подтверждения. Через фольклористические труды финского просветителя Генрика Рортана и путевые записки итальянца Джузеппе Ачерби о карело-финской народной поэзии на рубеже XVIII—XIX веков впервые заговорили в Европе. В частно-

сти, на десятки языков был переведен тогда один из шедевров карельской лирики — песня «Если бы пришел мой милый», восхищавшая знатоков поэзии поразительной глубиной и беззаветностью выраженного в ней лирического чувства. Именно об этой песне русский журнал «Любитель словесности» писал в 1806 году, что она «особенно отличается сильным чувством и смелыми выражениями, за которыми часто и безуспешно гоняются опытные стихотворцы».

Надо сказать, что в ту пору эти редкие жемчужины карело-финской народной поэзии получали известность еще таким образом: не ученые люди ездили к народу в далекие лесные деревни, а сами представители народа — крестьяне, странствующие карельские корабейники — случайно оказывались в городах и становились предметом внимания со стороны ученых, рассказывая им о знаменитых на своей родине рунопевцах и демонстрируя образцы их искусства. Эти рассказы и некоторые косвенные сведения заставляли ученых все более склоняться к мысли, что наиболее богатые россыпи народной поэзии таятся в Северной Карелии, что там древние руны сохранились в лучшем виде. Эту догадку уже вполне определенно высказал в начале девятнадцатого века Топелиус-старший, отец известного финского сказочника. Характерно, однако, что первые публикации рун Топелиус-старший составил из записей, сделанных от пришлых людей, от корабейников и отлучившихся на промыслы крестьян. Сам он за рунами еще никуда не ездил.

Но уже в то время начиналось и обратное движение. Литераторы и ученые пускались в странствия за песнями, не добраясь, правда, еще до Северной Карелии. Заметим, что еще до Леннрота высказывалась и мысль о возможном соединении рун в целостную эпическую поэму, в результате чего возникло бы нечто похожее на новую «Илиаду» или «Песнь о Нибелунгах», как писал в 1817 году финский литератор и большой энтузиаст народной поэзии К. А. Готтлунд.

Все это были, однако, еще только предположения и догадки, нуждавшиеся в воплощении. Главная встреча новой культуры с древней поэзией карел была еще впереди, и первым в Северную Карелию устремился Элиас Леннрот.

Встреча Леннрота и Архипа Перттунена была как бы символическим соединением тех

двух линий, о которых говорилось выше. Трехдневное общение Леннрота с выдающимся сказителем явилось последним толчком, необходимым для того, чтобы древний эпос карел и финнов обрел новую жизнь в литературном памятнике и стал непреходящим по своему значению фактом мировой культуры.

Впечатляющим для Леннрота моментом была неисчерпаемая память Архипа, хотя рунопевец и сетовал на то, что многое он уже забыл. Еще более замечательным рунопевцем был, по словам Архипа, его отец. Вспоминая о «совместных рыбалках в пору детства, Архип рассказывал, что где-нибудь у костра на берегу озера отец мог целые ночи напролет петь все новые руны, ни разу не повторяясь, — записывать их, добавлял Архип, хватило бы на две недели. Леннрот мог еще раз убедиться, что в сознании самих сказителей, наиболее выдающихся из них, эпос жил не в виде разрозненных рун, а слитно, в сквозной художественной непрерывности. Леннрот укрепился в моральном и эстетическом праве соединить руны именно в ту композицию, которую мы имеем в «Калевале».

Разумеется, для столь счастливо найденного решения сам составитель должен был обладать незаурядным художественным талантом, вкусом, безупречным чувством меры, проникновенным пониманием народной поэзии, и у Леннрота все это было.

Народную поэзию мы часто называем коллективным творчеством — по ее возникновению, условиям бытования, общенародности ее идеалов. И это, конечно, верно. Но коллективность, равно как и силу традиций в фольклоре, не следует мистифицировать, заслонять ею творческую роль выдающихся народных певцов. Потому они и пользовались славой среди своих земляков, что были людьми незаурядными, выделявшимися своей одаренностью на общем фоне. Они не были просто хранителями, в задачу которых входило бы только запоминание и консервация. С одной лишь задачей консервации эта великая поэзия попросту не могла бы возникнуть.

Леннрот увидел в Архипе Перттунене глубоко художественную натуру, поэта в своих рунах и поэта в душе, человека, который относился к своему искусству с любовью и благоговением. Леннрот отмечал духовную чистоту Архипа, то, что он был свободен от многих местных пред-

рассудков, в семье его уважали как настоящего патриарха. Словом, Леннрот увидел в Архипе творческую личность при всем том, что эпическая традиция была тогда уже в стадии постепенного угасания, ее высший расцвет был позади. Острее всего, даже с некоторыми преувеличениями, это осознавал сам рунопевец. Со слезами на глазах жаловался он Леннроту на то, что древние руны уже не пользуются в народе прежней любовью, что молодежь тянется к новым песням и крупным рунопевцам в будущем уже не следует ожидать.

Как видим, перелом в духовной культуре карельского народа уже тогда воспринимался достаточно остро. Леннрот, по его признанию, сам был глубоко тронут печальными словами Архипа, но тут же сделал в своем дневнике необходимую поправку. Архипу казалось, что древние руны будут вот-вот уже совсем забыты, то есть живая эпическая традиция угаснет незамедлительно, тогда как Леннрот понимал, что это процесс долгий, хотя и необратимый. Комментируя в дневнике слова рунопевца об «уходе старых песен», Леннрот подчеркивал, что «древние руны и сейчас не столь уж редки, как ему кажется, хотя это и правда, что постепенно они исчезают. Их можно слушать и в наши дни, да и после нас, пожалуй, еще в течение нескольких поколений».

Время показало, что Леннрот был прав. Постепенно угасая, рунопевческая традиция в Карелии продолжала жить еще много десятилетий. У Архипа были последователи в его собственной семье; его сын Мийхкали Перттунен стал крупным рунопевцем, а в советское время традицию продолжил Татьяна Перттунен. Карелия и сейчас является излюбленным краем фольклористов, где они не остаются без дела.

Огромна роль «Калевалы» в истории карельской и финской культуры. Еще в прошлом веке она питала многих финских писателей сюжетами и мотивами, поэтическими образами.

Кровное родство с «Калевалой» тем более характеризует литературу и искусство Карелии. Сейчас в республике готовится к изданию новый перевод бессмертного эпоса по композиции О. В. Куусинена.

Карельским советским писателям, художникам, музыкантам не надо далеко ездить, они живут и работают среди своего народа, постоянно ощущая связь с его великой поэтической культурой. И в их сердцах имя Архипа Перттунена, которое по счастливому стечению обстоятельств донесла до нас история, умолая о многих его предшественниках, отзывается не музейным эхом и не прозаической строкой в энциклопедии, а вдохновенным зовом предка — некуснейшего кователя дошедшей до нас песни.

Э. КАРХУ,
доктор филологических наук.